

Каиль Наталья Сергеевна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Социально-психологические причины привлекательности «блатной романтики» для несовершеннолетних осужденных

Аннотация. В статье описаны социальные и психологические причины, а так же, предпосылки привлекательности блатной романтики для несовершеннолетних осужденных, возникающие еще до попадания подростка к исправительные учреждения.

Ключевые слова: социально-психологические причины, блатная романтика, несовершеннолетние осужденные.

Высокую озабоченность руководства исправительных учреждений, а также специалистов, непосредственно работающих с осужденными в местах лишения свободы, вызывает устойчивая приверженность части осужденных, к так называемой криминальной субкультуре и блатной романтике. Настоящая статья отражает стремление авторов разобраться, в чем же заключаются социальные и психологические причины привлекательности этой альтернативной идеологии для достаточно значительной массы населения, в том числе вполне законопослушной.

Даже сами сотрудники уголовно-исполнительной системы нередко используют в своей разговорной речи элементы блатного жаргона и специфических синтаксических построений, что вполне обоснованно считается признаком профессиональной деформации [1]. А насколько широко употребляются в обычной разговорной речи слова, напрямую взятые из выражений блатного лексикона: «завязал», «забил стрелку», «устроился по

блату», начальник «сделал втык» и т. д. – не перечислить, да и нет необходимости. В период тотального бытового дефицита самым распространенным словом было не «купил», а «достал», то есть, приобрел необходимую вещь не вполне законным путем, а используя связи, иные, не всегда честные, возможности, в том числе коррупционные.

Читатель может возразить, что авторы преувеличивают и даже искусственно «передергивают» понятия.

Было бы неверным полагать, что блатная романтика распространена только в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Наоборот, в места лишения свободы приходят люди, за редким исключением, уже «зараженные» ею на свободе. Просто в исправительных учреждениях в силу понятных причин происходит концентрация этих взглядов, часто формирующих новые привычки в более наглядных формах: татуирование, приобретение определенных стереотипов поведения и т. д.

С общей точки зрения, под блатной романтикой следует понимать устное и литературное творчество, музыкальные произведения, песни соответствующего содержания, способствующие закреплению взглядов, не совместимых ни с правовыми нормами, ни декларируемой общественной моралью. Кроме того, сюда можно отнести прославление асоциального образа жизни, оправдание преступного поведения, использование приемов, способных создать положительный облик преступника, вызвать к нему сочувствие и т.д.

Блатная романтика чрезвычайно заразительна, даже для самых законопослушных граждан, и не следует ее недооценивать. Ошибочно сводить это явление лишь к неправильному воспитанию, обязательно приводящему к преступлению. Одной из ее составляющих является так называемый блатной шансон или уличная, блатная музыка. Ею увлекались даже известные и любимые народом певцы, барды, композиторы. В 90-х годах практически везде – на улицах, в общественном транспорте звучала «классика» блатного шансона: «Мурка», «За решеткой», «Голуби летят над нашей зоной» и т. д. Одновременно появились и современные, к тому же профессионально качественные

музыкальные группы: «Бутырка», «Лесоповал» и др. Во времена Советского Союза подобная музыкальная тематика официально не одобрялась, однако песни исполнялись в узком кругу, на свадьбах, вечеринках и пользовались неизменным успехом, музыка и тексты их переписывались. Слезливая тематика песен, вместе с хорошим чувством юмора и легким оппозиционным налетом исполняемых песен сразу стали популярными в народе, вовсе не помышляющем о совершении преступлений.

Подобная музыка и песни, особенно если они сделаны качественно, не являются столь безобидными, как может показаться на первый взгляд. Главный вопрос состоит в том, почему они оказались настолько широко востребованы.

Другим способом внедрения блатной романтики в сознание масс стала популярная литература. Вряд ли кто-то делал это сознательно с определенным умыслом, для этого необходимо стратегическое мышление и далеко идущие цели. Про вклад СМИ, кино, многочисленных сериалов, где кумирами становятся Саша Белый («Бригада»), Катала, герои «Бумера», сотрудники правоохранительных органов, сами также нарушающие закон («Бандитский Петербург», «Ментовские войны»). А татуировки, пусть даже художественные либо профессиональные, мода на них среди законопослушных граждан до сих пор не прошла, более того, появилась даже их имитация для детей в виде переводных наклеек.

Нет надобности перечислять прочие атрибуты, романтизирующие блатную идеологию, формирующие в сознании, особенно подростков и молодых людей, возможность иного, альтернативного поведения, правовой нигилизм, сочувствие к лицам, нарушающим закон, допущение преступных действий во имя некой эфемерной справедливости.

Немалый вклад в деформацию правового сознания подростков и молодых людей вносит улица. С определенного возраста (обычно 12 лет и старше) в силу естественных психологических и физиологических причин подросток начинает переориентировать свою возрастную группу с родителей на сверстников, стремится завести друзей более старшего возраста (которые могут защитить),

пытается подражать им, делает все, чтобы казаться старше по возрасту, вступает в период собственного осознания и «нахождения» себя.

Причем речь идет не только о детях из неблагополучных или даже криминальных семей, где напрямую культивируется асоциальный образ жизни и мышление. Это вполне естественный процесс. Подростки группируются по интересам, месту жительства, музыкальным пристрастиям, иным признакам. Только в группе единомышленников подросток чувствует себя достаточно комфортно, занимает определенную социальную нишу, реализует свои насущные потребности, в том числе и в относительной защищенности от посягательств со стороны «чужих» групп. С другой стороны, он вынужден следовать морали своего окружения, совершать поступки, на которые, скорее всего, не решился бы, будучи один, приобщается к алкоголю, курению, иногда и наркотикам или совершает пока еще незначительные правонарушения.

Нередко в состав дворовых групп входят ровесники, неблагополучные с правовой точки зрения (имеющие приводы в полицию, состоящие на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних и даже имеющие условную судимость либо отбывшие наказание в воспитательной колонии). Как правило, на улице они пользуются авторитетом, воспринимаются более взрослыми, опытными в житейском плане [2]. Девушки в дворовых компаниях также с большим интересом и любопытством относятся к таким ребятам, видя в них более взрослых людей, выделяя их среди ровесников. В результате нередко даже у относительно благополучного подростка (абсолютно благополучных не бывает) появляется тяга к подражанию, стремление показать себя, быть не хуже. Нередко такие попытки утвердиться в глазах окружающих выбиваются в деяния, предусмотренные статьями 158, 161, 162, 213 Уголовного кодекса Российской Федерации [3].

Социальный аспект, вынуждающий подростка проводить большую часть времени на улице, во многих случаях выглядит примерно так (со слов несовершеннолетнего осужденного): «Учителя видели во мне хулигана и старались от меня избавиться. Относились ко мне, будто я и не человек вовсе.

Дома – то же самое, постоянная ругань, угрозы сдать в колонию, вопли, что ничего путного из меня не выйдет, что я позор всей семьи». Семейное воспитание будущих осужденных также мало отличается разнообразием: «Отчим, как только разозлится, бил меня шнуром от утюга, бил кулаком по голове». В итоге культивируется устойчивый негативный взгляд на жизнь, свое место в будущем: «Учиться вообще не стоит, лучше повеселиться, прогулять, как это все делают». «Свой» – значит свободный, надежный, ему наплевать на уроки и на разговоры «предков». Поможет в любой беде, даст крышу, денег, предоставит хату». Об учениках, которые хорошо учатся, мнение почти однозначное: «Ботаны, слабаки, маменькины сынки, зануды» [1].

Хуже всего, когда подростковую группу начинает курировать с определенной целью взрослый осужденный, вернувшийся из мест лишения свободы. При этом, неважно, какой социальный статус он там занимал (подростки этого знать не могут, но всему, что он говорит, верят). Рассказы о том, как «весело» провел он время в исправительном учреждении, как «все его слушались», как ловко они (осужденные) обманывали сотрудников колонии и самого «хозяина», принимаются с большим интересом. Попутно внушается, что понятия гораздо справедливее законов, «кто не сидел – тот не мужчина», разъясняется, что сотрудникам правоохранительных органов ни в чем нельзя верить. Подобное часто принимается на веру в силу небольшого жизненного опыта подростка, тем более он и сам видит лицемерие, ханжество и двойные стандарты взрослых, их трусость перед силой и властью, а тут с ним как с равным говорит бывалый, много переживший человек, который никого не боится. Хочется во всем подражать ему.

Постепенно в блатной жизни и романтике открывается альтернатива тусклой и беспросветной действительности, тем более что, как указывалось выше, даже среди многих законопослушных и вполне благополучных россиян подсознательно закреплено стремление почувствовать вкус свободы.

Третий этап, характеризующий комплекс социально-психологических причин приверженности подростков и молодых людей к блатной романтике,

начинается сразу после прибытия в воспитательную колонию. Впервые осужденный подросток с чувством тревоги (реже – безразличия) и даже страха вступает в новый для себя мир (крушение несбывшихся надежд, разлука с близкими, которых он иногда не ценил или вообще ни во что не ставил, ярлык преступника, неясность будущих перспектив). Мучительные вопросы «Как себя вести?», «Как меня встретят?» достаточно болезненны и для взрослого, духовно сложившегося человека [4]. К этому следует добавить длительное психическое напряжение и следующее за ним истощение психофизиологических резервов за время длительного досудебного и судебного разбирательства, усугубляемое чувством обиды на «слишком суровый приговор» (любой приговор, даже самый мягкий, воспринимается как несправедливый), на «бездействие адвоката», на родителей, которые «не сделали все возможное» и даже «предали». В таком состоянии любой человек, тем более подросток, повышено внушаем и будет чувствовать благодарность к тому, кто хотя бы посочувствует, даст совет, обнадежит, ознакомит с правилами. Если это грамотный сотрудник, психолог, воспитатель – одно дело, если бывалый и опытный преступник (такие среди несовершеннолетних осужденных тоже встречаются), тем более с явно отрицательной направленностью, – совсем другое [5]. Осужденные также присматриваются к новичкам, оценивают их перспективность, направленность, качества и т. д. Существующие всякого рода «прописки», как и другие ритуалы, в первую очередь преследуют цели не глумления и издевательства, а выяснения, насколько знаком новичок с элементарными правилами (понятиями), регламентирующими жизнь в местах лишения свободы, сможет ли постоять за себя или струсит, побежит ли жаловаться, будет ли «стучать» администрации учреждения и т. д. От результата во многом будет зависеть его неформальный статус в колонии и уровень авторитета. Это, а также клички, татуировки, жаргон, своеобразные стереотипы поведения, азартные игры и прочее – уже более оформленные элементы тюремной субкультуры и блатной романтики.

Психологи, естественно, не в состоянии решить рассматриваемую проблему, однако, опираясь на фактические материалы (результаты бесед с

осужденными, в первую очередь несовершеннолетними, анкетирование, в том числе анонимное, данные психологических исследований, изучение судебных приговоров), считают возможным прийти к определенным выводам:

– нельзя недооценивать даже мелкие, казалось бы, незначительные проявления блатной романтики; бороться с ней запретительными мерами и введением цензуры совершенно бесполезно, она просто уйдет в подполье и обязательно проявит себя в более дерзких и изощренных формах. Необходимо постепенно заменить ее другим, более приемлемым идеологическим содержанием. Но при этом, сам А.С. Макаренко и его ближайшие помощники стремились соответствовать внушаемым оступившемуся подростку идеалам [6];

– любое морализаторство, призывы к «правильному» образу жизни, обращенные к подростку, не только бесполезны, но и вредны, так как провоцируют негативизм и оппозиционные реакции, если пропагандирующий их родитель, психолог, воспитатель не стремится следовать им.

Литература

1. Федорова, Е.М. Пути духовно-нравственного формирования личности как необходимого компонента профессиональной культуры сотрудника уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 5.

2. Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание: учебно-методическое пособие. М.: НИИ ФСИН России, 2016.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.03.2017) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.10.2018).

4. Давыдова Н.В., Данилин Е.М., Кузьмин А.Н. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4.

5. Фадеева К.Ф., Кулакова С.В. О проблемах психокоррекционной работы с несовершеннолетними осужденными // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 9.

6. Макаренко А.С. О воспитании. М.: Издательство политической литературы, 2009.

© Бюллетень магистранта 2018 год